

АРТУР КРОН

ДЕЛО №3: ЗА БЕЛЫМ ЗА НАВЕСОМ

2026

Артур Крон

Дело номер 3: За белым занавесом

«Автор»

2026

Крон А.

Дело номер 3: За белым занавесом / А. Крон — «Автор», 2026

Январь 1984, морозный провинциальный городок. Инженер Павел привык всё раскладывать по формулам, но этой ночью формулы не работают. Стакан звенит сам по себе, выключенная радиола шепчет голосом того, кого давно нет, а туман за окном будто дышит и глушит даже эхо шагов. Хуже всего, что этот голос знает то, о чём Павел молчал годами: правду про брата Илью и аварию на секретном объекте. Когда в дверь стучат ровно три раза, Павел понимает — реальность больше не следует законам физики. Теперь она подчиняется чужой воле. Это история о том, как мир вытаскивает наружу твои самые тёмные секреты и заставляет смотреть, как они становятся правдой. Страх тут не в резких звуках, а в том, как рушится привычная логика и бытовые мелочи превращаются в нечто зловещее.

© Крон А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 0:37	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Артур Крон

Дело номер 3: За белым занавесом

Глава 1 0:37

Ночь с 14 на 15 января 1984 года.

Первым в полумраке кухни отозвался граненый стакан, оставленный на краю стола с вечера. Павел спал глубоким, тяжелым сном человека, уставшего после двенадцатичасовой смены, уткнувшись лицом в прохладную бязевую подушку. Позже, возвращаясь к событиям этой роковой ночи, он пытался восстановить хронологию до секунды и сохранил твердую уверенность: всё началось именно со стакана, тихо звеневшего в темноте.

Электронно-механический будильник «Слава» в пластмассовом корпусе показал ровно 03:17, когда Павел открыл глаза. Его разбудил не звук, а едва уловимая вибрация, проникавшая сквозь панцирную сетку кровати, ватный матрас и само тело. Похожее чувство возникало, когда совпадение выводило под окна тяжелый товарный состав с рудой. Но Павел жил возле ведомственной ветки третий год и помнил расписание назубок. В этот час ночи поезда ходить не могли.

Он пролежал неподвижно минуту, уставившись в беленый потолок. Низкий, ровный гул повторился со стороны закрытой территории завода. Павел работал там инженером-радиотехником на объекте специального назначения, где уровень секретности исключал любые лишние вопросы. За годы службы он привык не задумываться о гуле, вибрации или вспышках за забором. У руководства всегда имелся универсальный ответ: плановые испытания оборудования или профилактика высоковольтной линии.

Сев на кровати, Павел накинул на плечи старый свитер и пошел на кухню — налить воды и переждать гул.

Двухкомнатная квартира досталась ему от родителей. После того как умер отец, а спустя два года скоропостижно ушла мать, Павел так и не решился ничего изменить. Он жил среди чужих привычек, старой мебели и пожелтевших книг. В коридоре и на кухне пахло так же, как десять лет назад: сухой пылью от чугунных батарей, слабым оттенком дешевого табака, въевшимся в обои еще при жизни отца, и легкой сыростью от водопроводных труб. Старенький холодильник «Саратов» в углу тянул свою привычную ноту.

На краю стола стоял недопитый стакан с заваркой. Вода внутри не просто шевелилась, а покрылась четкой, правильной круговой рябью. Павел приложил ладонь к трубе отопления — металл был обычным, горячим, без пульсаций. Павел знал, как работает механический резонанс: если завод гонит по подземным коммуникациям мощный импульс, кирпичный дом легко откликнется на нужную частоту. Об этом подробно читали на кафедре радиофизики.

Гул утих так же внезапно, как и возник. Рябь на поверхности чая расплылась, стакан замер.

Наступившая тишина оказалась плотной, тяжелой. Павел щелкнул выключателем. Свет от голой лампочки озарил кухню привычным теплым сиянием, моментально вернув обстановке безопасный вид.

За капитальной стеной слышались тяжелые шаги. Павел узнал походку Виктора, старшего слесаря, который ежедневно поднимался в четыре утра для подготовки к первой смене и всегда приступал на правую ногу. Чуть позже глухо скрипнула оконная рама. Этажом выше сипло закашлялся старик Прокофьевич, ветеран, курящий махорку с сорок первого года. Дом жил своей обычной, понятной жизнью, и Павел почувствовал, как напряжение отступает.

На полированном серванте стояла черно-белая фотография в деревянной рамке. На снимке были молодая мать, улыбающийся отец, сам Павел в возрасте шести лет и его младший брат Илья, совсем крошечный.

Павел всматривался в лицо брата, вспоминая жаркое лето, когда Илье исполнилось двенадцать, а ему самому было семнадцать. Они целый день чинили во дворе старый велосипед «Орленок». Илья путал гаечные ключи, но когда цепь была натянута, радовался так искренне, словно собранный велосипед был его личной конструкторской победой. Павел тихо улыбнулся и поставил рамку на подоконник.

Его внимание привлекло окно.

Плотная штора была задернута не до конца. За стеклом, где обычно ярко горел уличный фонарь, стоял густой, почти осязаемый туман. Он смотрелся странно, словно плотная белая вата, заполнившая все пространство между домами. В январские морозы такое изредка случалось при утечке на котельной, когда пар стелется по земле, не имея возможности подняться.

Фонарь просматривался сквозь белесую пелену размытым желтым пятном. Павел наблюдал за тем, как белая масса медленно и беззвучно шевелится у поверхности снега.

Где-то в глубине дворов, в стороне промзоны, тревожно залаяла собака. К ней присоединилась вторая, но уже через пару секунд лай одновременно оборвался, будто животным мгновенно зажали пасти. На улицу снова опустилась мертвая тишина.

Павел набрал из-под крана воды, сделал несколько глотков и вернулся в спальню.

Заснуть не удалось. Он лежал на спине, слушая, как дом погружается в предраассветную фазу. Кашель Прокофьяча затих, прекратились шаги Виктора. Только низкий гул вновь пробился сквозь тишину — на этот раз значительно тише, но сбивчиво, рвано, словно работающий прибор начал выходить из строя.

Павел поднялся и направился к окну.

Картина за стеклом изменилась. Белая глухая масса затянула окна второго и третьего этажей дома напротив. Уличный фонарь полностью исчез. Свет тонул в этой плотности, не достигая снега.

Такого объема пара авария на котельной выдать не могла. Павел нахмурился: прорыв магистрали с выходом реагентов на заводском объекте? Если так, дежурный диспетчер был обязан оповестить жителей по сети гражданской обороны.

Он подошел к старой радиоле «Ригонда» в коридоре и нажал клавишу включения.

Лампы прогревались медленно. В динамике возник гул трансформатора, затем треск статики, и наконец из глубины корпуса пробился ровный голос диктора областного радио, зачитывавшего сводку погоды. Павел слушал, рассчитывая услышать экстренное сообщение, но диктор бесстрастно перешел к отчетам о пятилетнем плане.

Неожиданно звук оборвался резко, будто кто-то дёрнул рубильник. Эфир заполнился хаотичным шипением.

И прямо сквозь этот белый шум пробился совсем другой голос — тихий, шелестящий, женский. Он звучал так отчетливо, будто говорящий шептал в самую мембрану микрофона:

— Не открывайте... Слышите меня... Ни за что не открывайте дверь...

Шепот мгновенно растаял в помехах, и из динамика снова зазвучал диктор, продолжая с абсолютным спокойствием зачитывать фразу об успехах животноводов, словно паузы не существовало.

Павел замер. Он цеплялся за единственное, что ещё имело смысл: это наводка. Просто сильная наводка с завода, которая дает фантомные перехваты. Он повторял это про себя как инженерное правило, но собственное объяснение сейчас не успокаивало — оно звучало как оправдание, которому он сам не верил.

Он подошел к черному карболитовому телефону на стене. Можно было связаться с Ниной с третьего этажа, старшей медсестрой в дежурной смене городской больницы, но в

трубке гудел обычный непрерывный сигнал. Звонить одинокой женщине в четыре утра из-за тумана и радиопомех показалось ему глупой паникой. Павел опустил трубку.

Он вернулся в спальню и лег поверх покрывала. Из короткой, тревожной дремы его выдернул резкий, четкий звук.

Шаги.

Множество шагов гулко отдавали по укатанному льду во дворе. Звук был размеренным, чеканным, словно группа людей двигалась строем.

Павел оказался у кухонного окна за секунду.

Туман стал настолько плотным, что казался почти твердым, но внутри началось движение. Тёмные силуэты бесшумно скользили в белизне вдоль фасада дома. Внезапно тонкий детский голос коротко рассмеялся внизу и тут же оборвался.

В этот же момент шаги раздалась уже внутри подъезда. Кто-то поднимался по бетонной лестнице. Тяжело, неспешно, с механической остановкой на каждой площадке.

Звук затих прямо перед его дверью. Последовало три удара. Сухих, ровных, с абсолютно одинаковыми паузами.

— Кто там? — громко спросил Павел.

— Открывай, Пал Сергеич. Крылов это. Из участка.

Голос принадлежал их местному участковому, старшему лейтенанту Крылову — хрипловатый, скрипучий баритон курильщика с одышкой.

— Что произошло? — спросил Павел, останавливаясь в полуметре от двери и не спеша тянуться к цепочке.

— Авария на главном коллекторе, — без колебаний отозвался голос. — Утечка газа и пара. Срочно отселяем весь дом. Открывай быстрее, Пал Сергеич, мне еще весь подъезд обходить.

Павел нагнулся к дверному глазку.

На площадке действительно стоял Крылов в форменном тулупе и шапке-ушанке. Руки утоплены в карманы, плечи приподняты. От дыхания у губ появлялось легкое облачко пара — ровное, естественное.

Павел уже прикоснулся пальцами к защелке замка.

И в этот момент его пробил липкий страх.

Крылов не переступал с ноги на ногу. Человек, стоящий на промерзшей лестнице, неизбежно меняет позу, переносит вес тела или поправляет шапку. Участковый же стоял абсолютно неподвижно. Его руки не шевелились, корпус оставался каменным. Он смотрел ровно туда, где находился глаз Павла. Не в дверь, не в сторону — прямо в точку. Фиксировал взгляд без единого микродвижения, как восковая фигура.

— Пал Сергеич, — снова произнес Крылов, не изменив ни мускула на лице. — Время не ждет. Открывай.

— Подождите секунду, куртку накину, — ответил Павел, медленно отступая от двери на шаг. По спине между лопатками стекала струйка холодного пота.

Из коридора снова раздался голос. Без стука, с изменившейся интонацией:

— Пашкой тебя мать в детстве звала. Помнишь, Паша?

Павел оцепенел.

Никто в городе не называл его Пашкой. Друзья звали Пашей, на работе — по имени-отчеству. Крылов знал его исключительно как Павла Сергеевича. Это домашнее обращение могла знать только мать.

— Откуда вы это знаете? — тихо спросил он, подступив к двери.

Пауза длилась ровно три секунды.

— Мы очень многое знаем о тебе, Паша, — ответил голос. Всё так же ровно и буднично. — Просто открывай.

За спиной у фигуры в шинели, на лестничной площадке, возник низкий гул, от которого вибрировали зубы. Среди него пробился тёплый, родной голос с характерной грудной хрипотцой:

— Паша... Открой дверь, сынок. Нам здесь очень холодно.

— Это глупая шутка, — выговорил он задрожавшим голосом.

— Ты же помнишь, — продолжал голос матери, — как я варила вишневое варенье, когда ты сломал руку? Ты сидел на подоконнике, а я давала тебе облизывать большую деревянную ложку.

Павел сжал зубы. Он помнил тот жаркий август до мельчайших деталей. Но это было интимное детское воспоминание, которым он ни с кем не делился.

— Спроси меня о чем-нибудь, — ласково предложил голос за дверью. — О том, что знали только мы.

Павел простоял в оцепенении несколько секунд.

— Как звали нашу первую собаку? — выговорил он. — До того, как отец отдал ее дяде Сене? У нее было два имени.

— Дома мы называли ее Дымкой, — ответил голос без малейшего колебания. — А дядя Сеня просил называть ее Тузиком, потому что стеснялся перед соседями, что у пса девчачья кличка.

Голос матери знал про варенье и про ложку. Знал про Дымку и Тузика.

Этого не мог знать никто.

Логика, расчёты, физика — всё рассыпалось. Остался только этот голос, который звал его домой, туда, где пахло вишнёвым вареньем и где мама ещё была жива.

Рука сама потянулась к замку, прежде чем разум успел крикнуть «нет».

Павел отдернул руку, будто коснулся оголённого провода. Пальцы закололо, в груди что-то оборвалось, и на секунду он перестал чувствовать ноги.

В ту же секунду из кухни раздался механический щелчок. Радиола «Ригонда» включилась сама.

Зеленый круглый индикатор 6Е5С ярко светился в темноте коридора, хотя клавиша питания оставалась отжатой. Из динамика раздался его собственный голос:

— Не открывай. Ни за что не открывай эту дверь, Паша.

За дверью шумы мгновенно сменились плоским, синтетическим звуком, подбиравшим слова по слогам:

— Паша... Мы знаем, что ты сделал с Ильей на объекте.

Сердце Павла сделало один тяжелый, болезненный удар. В ушах нарастал оглушительный высокочастотный звон, перекрывший всё.

Голоса за дверью замолкли.

Павел не знал, сколько простоял без движения. Наконец он заставил себя подойти к кухонному окну.

Густой туман истончился, став прозрачным. Сквозь него Павел увидал двор.

Там стояли люди.

Около трех десятков человек неподвижно замерли между промерзшими деревьями. Это были жители его дома: женщина с третьего этажа в халате поверх пальто, старик без шапки, двое детей из соседнего подъезда. Все они стояли без движения, направив лица строго на его освещенное окно. Ни один человек внизу не шевелился. Никто не дышал, в холодном воздухе не возникало даже намёка на пар.

А потом Павел заметил то, от чего у него потемнело в глазах: тени от этих людей падали не в ту сторону. Уличный фонарь был за их спинами, но тени тянулись вперед, прямо к его окну, будто свет шёл изнутри двора, из самой белёсой мглы.

И тогда весь двор, все застывшие фигуры под окном, одновременно выдохнули — слово не прозвучало снаружи, оно родилось прямо в его голове, как собственная мысль, только чужая:

«— Паша.»

Он попятился и ударился бедром о край стола. Гранёный стакан на клеёнке тихо звякнул и качнулся на миллиметр — будто кто-то выдохнул прямо за его спиной.

Павел замер, глядя на него, и вдруг понял: он больше не слышит ни гула завода, ни скрипа перекрытий, ни даже собственного дыхания.

Была только эта звенящая тишина — и ощущение, что воздух вокруг стал густым, как вата, и его тяжело втянуть в лёгкие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.